

Геннадий КРАСНИКОВ

И ОДНА В ПОЛЕ ВОИН

Гоголи и Жуковские за нас заступники...

Б. Зайцев

*Если бы не было жизни в книгах –
В жизни бы не было книг...*

Н. Матвеева

Всего несколько десятилетий и з д известн я поэтесс Новелл М твеев н пис л песню, ст в шую зн менитой, где был т кой з пев: «Когд потеряют зн ченье слов и предметы...» К к пор зительно быстро, одн ко, сбыв ются нынче с мые не ожд нные пророчеств . Впрочем, подобное случ лось и во времен Шекспир , обронившего одн жды: «Ещё мы спим, сны уже сбывлись!...» Просто эпохи и события р знятся.

К концу XX век н с обольстительно легко и д же р достойно, словно обл годетельствов в, причили к мысли о том, к к бл год ря «прогрессу» и «цивилиз ции» с быстротой ш греновой кожи скукожилась повсеместно геогр фическое простр нство, к к до р змеров оруэлловского скотного двор уменьшился, ст л ничтожно м леньким н ш земной ш р. Почти одновременно открылись беспрепятственные возможности для кругосветного передвижения (со скоростью тьмы – не свет !) к - пит лов и террористов; для глоб листских з мыслов нового мирового пр вительств и для пошлости м ссовой культуры с её «порнокопытными» идол ми и кумир ми; для т к н зыв емых общечеловеческих ценностей, н с жд емых не мытьём, т к к т ньем н товских бомб; для н ркотиков; для рмии мигр нтов, в необъявленной л тентной войне ш г з ш гом осуществляющей з хв т и передел мир ; для политического проходимств «сороков» всех м стей (больших проп г ндистов политкорректности и толер нтности); для легион сект нтских миссионеров, новоиспечённых «лжехристов и лжепророков»... Т ковым в общих черт х ок з лся итог победы «цивилиз ции» н д культурой, грубого м тери лизм н д духом. Приходится

призн ть, что современный мир, в котором мы живём, пребыв ет в кризисной точке истории своего р звития.

Озн ченн я «побед » привел в том числе и к исчезновению поэзии (н З п де почти полному, в России – пок ч стичному). Можно с бсолютной уверенностью конст тиров ть: в мире ст ло меньше Поэзии. С мо Слово сузилось (сплющилось!) до структурной единицы мёртвого текст , коммуник тивной функцион льности. Н ступил предречённый Новеллой М твеевой момент, когд «слов и предметы» утр тили свой высший поэтический смысл. Хотя ещё живо, не вымерло оконч тельно поколение, которое помнит, что именно Поэзия дел л мир необъятным, объёмным, безгр ничным... Пр в был Х йдеггер, утвержд вший, что «бытие опр вдыв ется только в слове». Сколько морей и рек, неб и деревьев, стр н и путешествий, пейзажей, дорог, людей, эпох, сюжетов, мелодий, песен в творчестве одной только Новеллы М твеевой! Если здесь уместн м тем тическ я терминология, то в своём сложении (в сумме) многоязычн я поэзия р зных времён н родов р сширил кругозор человек до бесконечности з дум ного небесным зодчим Божиего мир . «Кремнистый путь», н д которым «звезд с звездой говорит», или «горный нгелов полёт и г д морских подводный ход» – действительно вне времени и простр нств , ибо, к к ск з но поэтом XX век , «от моря лжи до поля ржи дорог д лек ». Не случ йно же в с мой великой и с мой поэтической книге человечеств р сск зыв ется о том, к к для преодоления всего одной пустыни целому н роду потребов лось 40 лет!

Этот конфликт двух простр нств, цивилиз ционного и культурного, где одно – великое, бескорыстное, живое, космически огромное попира ется-пожир ется другим – утилит рным, плоским, мёртвым, исчисленным, усреднённо-мелким, – и есть философск я и культурософск я др м , котор я дост л сь в н следство XXI веку. И всё н пряжение этого конфликт , этой сложнейшей мировой др мы ст новится гл вным и едв ли не единственным мотивом в творчестве Новеллы М твеевой последних лет, в её многообр зной прозе (в прекр сно выр женной формуле «Мяч, ост вшийся в небе») и поэзии (символичн я формул которой обозн чен стих ми «Штормовое предупреждение»). Всё ост льное уже к к бы не имеет зн чения, теряет смысл перед лицом неотвртимого мор льного выбор между сп сением и добровольным с моубийственным безумием, между добром и злом, между ценностями вечными и преходящими, сиюминутными. А предупреждение для з игр вшихся, к к р ныше говорили, в «неигр емое», н с мом деле грозное:

118

Им Кассандра – ничто.
 Им посмешищем – Лаокоон;
 (В змеях вязнущий,
 вязнет теперь в непристойностях он...)
 «Близок день –
 и погибнет священная Троя» – был глас.
 «После вас – хоть потоп», – говорите?
 А если – ПРИ ВАС?
 («Штормовое предупреждение»)

И здесь выявляется существенная эволюция в творчестве Новеллы М твеевой (взять хотя бы её любимую морскую тему!). Конечно, от чудесной м твеевской песни «К кой большой ветер», до же в известном форсированном-драматизированном её исполнении молодым Владимиром Высоцким, до «Штормового предупреждения» – дистанция огромного размера. В раннем стихотворении было всё-таки что-то изворованное, тёмно обнадёживающее, несмотря на «большой ветер», который «наплывает на остров». Само происшествие выглядело как некое приключение: «А шквал унёс в море / Десяток двашлюпок, / А рыба м – горе, / Не рскуришь трубок. / А рскуришь в дождь, / Вот з жечь спичку – / Как нелету взглядом / Остановить птичку...»

Странный этот ветер не только разрушает, но и по-своему созидает: «Сломал ветлу ветер, / Всадусровнял гряды – / Аж корешок редьки / Из почвы сам вылез. / И, подкачавшись боком / К соседнему саду, / В чужую врос грядку / И снова там вырос...»

Рассуждается, было предчувствие тревоги и в тех ранних стихах и песнях Новеллы М твеевой, но их экспрессивные краски скорее относились к свободной стихии моря, чем к предвестию общечеловеческих бед и к трагическим строфам: «Взлетевших тучхрустальные прорывы... / Большая чужбина – плывущие сестры – / Из хрустальных волн выхвачены рыбы, / Как головню из хрустального костра...» Или помните? «Шёл кор-

блик по летним морям, / Корчил рожи последним царям, / Все листры в цвету, всё льно месте, – / Всё изписывал, всё проверял...» Завним мультиком покажется теперь история про корблик рядом со скорбью горьких строк поздней Новеллы М твеевой о новейшей нашей истории:

Такой туман ехидный,
 Как будто сожгли в нём резину...
 Такое впечатление,
 Что в море подлили бензину <...>
 Какое странное море! –
 Ни белое, ни голубое...
 Такое впечатление,
 Что сдан Севастополь без боя.
 Неужто лиходеи
 От праведной кары закланы?
 Такое впечатление,
 Что крепости – подлостью взяты! <...>
 Решусь ли оглянуться
 На шум заповедного флага?
 Такое впечатление,
 Что льётся из глаз моих влага...
 («Такое впечатление»)

Конечно, подобная «перемена» в творчестве поэтессы не могла пройти незамеченной. Современная критика (назовем её «либеральной»), пишущая по принципу «ихний лидер против ихнего», была не в восторге. Вот один из характерных неостановивших себя ждущих откликов (окриков!): «Прирождённый лирик сдыханием свободным и лёгким, М твеева упорнопытается писать стихи публицистические; результат не нулевой, да же, отрицательный» (М. Ремизов, А. Урицкий. Обзор прессы // Независимая газета. 2000. 16 августа). Столь утончённым эстетомлибо никогда не доводилось читать публицистические стихи природённых лириков Пушкин, Тютчев, Некрасов, А. К. Толстого? Прежде которых был и Василий Тредиаковский, задающий тон этой теме стихами: «Начинайте флейте стихи печальные, / Зря не Россию через страны дальные...» Или взять беспощадные стихи на злобу дня природённого лирика Марины Цветковей, ну хотя бы её знаменитые «Чителю гзет», увы, не потерявшие актуальности остроты и до сего дня: «Кто наших сыновей / Гноит во цвете лет? / Смесители кровей, / Писатели гзет!» Или её «Стихи к Чехии»: «Откзываются – быть. / В Бедламелюдей / Откзываются – жить. / Сволкомиплощдей / Откзываются – выть...»

Либо пассивным либеральным ценителям прекрасного доставляет особое удовольствие упиваться высоким искусством (так же как и подлым хитом чеством концептулистов), когда под ногами горит земля, когда «крепости – подлостью взяты», когда государство унижено предательством властей,

119

когда демократия в стране ботет с неутомимостью гзовых печей Освенцим, освобожда я от земных тягот по миллиону человек в год?.. «Тут уж пир – не ВО ВРЕМЯ чумы, ВО ИМЯ чумы», к к ск з но у Новеллы М твеевой, для которой, по её призн нию, «не уч ствов ть в кор блекрушении» есть принципи льный этический и эстетический импер тив.

Тот льн я дегр д ция в мире, игр «н понижение» болевого, мор льного, психологического поро г слышком оп сны, чрев ты цепною ре кцией вз имоуничтожения, обуюют нниб лизм . Новелл М твеев т к описыв ет это ск тыв ние в про п сть: «...с дороги – н тропинку, с тропинки... уж и незн мо куд (быв ют ведь ещё и к н вы!). От Достоевского – к Арцыб шеву, от Алекс ндр Островского – к Т. Уильямсу, от героев Алекс ндр Грин – к ведьмёнку Г рри Поттеру, лет ющему н метле; от «К пит нской дочки» – к мерзостям про девочку Лолиту (помоями политу); от честности – к непрошеной откровенности; от Г лины Ул новой к; от Мих ил Плетнёв – к И одним словом – уж обя з тельно от Моц рт – к С льери!» («**Сюжеты на манжетах**»). «Клиническое привык ние к крови, убийств м, труп м н экр не, н сцене, в литер туре д вно перешло не только гр нь христической мор ли, но и все пределы человеческого одич ния», – предупрежд ет поэтесс .

«Гибель Тит ник » – это не мистик . / Не р звлек ловк . Не беллетристик <...> Что ж вы ник к НАГЛЯДЕТЬСЯ не можете / Н беспокойное, н безысходное? / В чём-то и с н шими бед ми сходное?..» («**Неслышимая сирена**»). Ир спл т не з ствил себя жд ть. Ди гнозом, пост вленным современному человечеству (не пожел вшему услыш ть «штормовое предупреждение»!), можно счит ть ре кцию композитор - в нг рдист К рлх йнц Штокх узен н события 11 сентября в Нью-Йорке, н зв вшего н п дение н м нхэттенские б шниблизнецы «велич йшим в мире произведением искусств ». Ф кт (по нр вственной глухоте м ло кем з меченный), после которого человечеству п д ть ниже уже некуда . Тут, к к говорится, точк возвр т пройден , д льше только болезнь к смерти, только дорог в д, только возвр щение неиспользов нно го билет Богу...

В творчестве Новеллы М твеевой никогда не было противоречия между формой и содержанием: эстетическое н ч ло отст ив ет этическое в жизни, этическое всегд н стороне прекр сного, эстетического. Любители поэзии зн ют, с к ким совершенством вл дует поэтесс Ювен ловым бичом – с тирой, иронией, к к остроумны и оп сны её эпигр ммы, п мфлеты, политические инвективы. Её дифир мбы, п стор ли – гимны природе, небу, человеческой порядочности, униженным и оскор-

блённым. Её с тир , публицистик – вызов поддле ц м и негодяям, униж ющим и оскорбляющим, клеветник м России, пошляк м и р стлителям, всем тем, кто «вместо клятвы Гиппокр т / Д ёт в м клятву Геростр т ...».

С год ми с тир М твеевой ст новится жёстче, непримиримей:

*...Прощать врагов приспела нынче мода,
И в том числе врага людского рода!*

О том же в своё время предупрежд л великий русский философ Ив н Алекс ндрович Ильин: «Никто не впр ве прощ ть чужие обиды или предост влять злодеям обиж ть сл бых, р звр щ ть детей, осквернять хр мы и губить Родину», ибо, действительно, «только для лицемер или слепц р внопр вны Георгий Победоносец и з к лыв емый им др кон».

Особое з меш тельство у «л герной» критики вызыв ет то обстоятельство, что Новелл М твеев своим творчеством решительно опрокидыв ет р спростр нённое мнение о якобы невним нии н шей литер туры (в отличие от з п дной) к форме художественных произведений. С т ким-то ртистизмом, д с т ким моц рти нским «свободным и лёгким» дых нием, д с т кой европейской культурой ей вроде к к н роду н пис но прин длеж ть к либер льному л герю «чистых», свободных от докучных соци льных, н цион льных, держ вных, мор льных предр ссудков или, уп си бог, от «имперских», пуще – п триотических взглядов, для этого есть тёмные литер турные смерды, л птем щи хлеб ющие, кв сом з пив ющие...

К сож лению, мы и с ми р спростр няем тот же миф о собственной ущербности, недотянутости (ну конечно же!) до мировых ст нд ртов: «...родственн я русской литер туре черт – жертвов ть з конченностью формы, если в ней не умещ ется «дело» (Пётр П лиевский).

Новелл М твеев с блеском док зыв ет (пр ктически и теоретически!), что это не т к:

*...Есть клады ценных слёз, есть копи, есть пещеры
Алмазных вымыслов и фактов золотых,
Но муза не придаст им ни малейшей веры,
Пока отделки блеск не заиграл на них.*

*Как часто тёмная певца терзает сила!
Как песня бы его страданья облегчила!
Пой, торопись, Орфей! Твой дар тебя спасёт!*

*Уж весь подземный сонм его за платье ловит...
Он может умереть, пока слова готовит!
Но неготовых слов он не произнесёт.
(«Есть вопиющий быт, есть вещие примеры...»)*

В своей прозе Новелл М твеев , вспоминая М денческий возр ст, приоткрывает неожиданный глубокий философский смысл невозможности для себя произнесения «неготовых слов»: «З держусь лишь в том, как ждно я хв т л сь з первые образы бытия, в собственном горьком опыте успевая понять, что всё с мое стр шное идёт от бесформенного или неопределённого» («Мяч, оставшийся в небе»).

Пожалуй некто, но в прежние времена тогдашняя, по-отечески пристыженная критика нередко меняла Новеллу М твеевой в вину именно виртуозное владение формой, словно предполагая в этом скрытый идеологический подвох, проще – невозможность для себя в силу млообразности своевременно углядеть фигу, глубоко змскированную в излишней, как они считали, «книжности» и «литературности» поэтессы. И хотя нельзя не согласиться с неистовым Лютером в том, что «истин сильнее критики», но традиция европейской поэтической культуры, утверждённая Пушкиным и продолжённая Лермонтовым, Тютчевым, Блоком, Белым, обоими Ивановыми, Вячеславом и Георгием, подняла русскую поэзию на мировую высоту, доказав, что истинность новитесь доходчивей и убедительней, если она отчеканена в идеальной форме. Говоря о виртуозном поэтическом мастерстве Новеллы М твеевой, уместно вспомнить латинский корень этого слова: *virtus*, что значит «доблесть», «добродетель», «подвиг». Кстати, тут поэтесса и зносчивым европейцем может дть сто очков форы. Когда, к примеру, знаменитый испанец Рамон Гомес дель Серн иронизирует по поводу её любимой стихотворной формы, называя сонет «блестящим жилетиком поэзии», во первых, видишь усталость и стрессовую патию зпдноевропейской литературы, з бывшей о «суровом Дните», «не презираю сонет», о Шекспире с его могучими 14-строчными скрижелями! Для М твеевой же, у которой, как жется, более половины стихов написаны в днной классической форме, – сонет скорее кольчуга, лты, рыцарская мушкетёрка, но уж никак не жилетик! Прочтите её знаменитые сонетные циклы в зщиту Шекспир (целые поэтические трактаты, достойные учёной степени Британской академии!), стихи о Кристофере Марло или её, как всегда остроумное, эссе «Сонет, не презирай поэт!», и вы увидите, что эта форма в русской поэзии ничуть не устарела, она дисциплинирует мысль, отточивает слово, требует от формы бесстрашной логической остроты и гибкости.

Поклонники поэзии Новеллы М твеевой знают, как кой-какой городской отшельник бросается в бой только зщиту Шекспира, только зщиту детских душ от телевизионных и книжных створговых, незщиту русского лесотнубришей, незщиту мленького человека (неслучайно любимые её герои – чплин-

ский персонаж, Гельберри Финн, бедняки из трущоб всех времён и стран)...

Невольно приходит на память двоякий сонет «Жорж Санд»:

*...Учтив, спокоен, храбр, великодушен,
Не столь плаксив, не всем ветрам послушен,
Один Жорж Санд – мужчина среди всех.*

Ужель это тот сам я М твеев, от светлых романтических стихов которой когда-то был в восторге Корней Чуковский, человек изысканного вкуса? Рассказывают, как однажды, услышав в очерковом тельном М твеевского «Солнечного зайчика», по-детски импульсивный, в разном порыве он даже принялся прыгать через стул. (Тогда же эмоционально, бегая по комнате со словами: «Гоголь, новый Гоголь явился!», встретил Чуковский в начале XX века появление в литературе Евгения Змятина.) Однако тот же Корней Иванович, блестяще знавший русскую поэзию и писавший о самых великих поэтах XX века, называл Новеллу М твееву «уходящей». Почему? Во-первых, в эти слова вкладывался буквальный смысл: «уходящая», поскольку по врождённой деликатности Новелл М твеев старалась не обременять своего писателя своим присутствием, не задерживаясь обычно в его доме, и без того полном обожателей и почитателей. Но вряд ли утончённый эстет Чуковский не вкладывал в это слово и некий дополнительный смысл, обозначивший, как теперь скажут, своеобразный «эскпизм», что в переводе на пушкинский язык значит «здумля побег» – от реальности, от действительности в мир фантастический, в мир грёз. Подрозумев лось ли, что романтик, в которой тогдашняя критика прописала музупоэтессы, – слишком старомодный для новой эпохи предмет, уходящая в тур, как Россия Чехов, Иннокентия Анненского, Блок? А быть может, в «уходящая» всё-таки вкладывался иной подтекст, вполне открывшийся только с годами? Ведь многие дивные произведения Новеллы М твеевой, как перевёрнутые нынешней эпохой йсберги, обнаруживают свою невидимую до поры (уходящую отглаз) суть, прнее прикрываемую видимой романтической двоякой «одною третью». Ведь в те годы и прозвучало недвусмысленно, для чего приходят на Землю поэты: «Их тоска не держит до скверных, / проклятых вопросов – / Это к торжественному труду северных / странных тросов, / Спасающих нашу шхуну Земли».

Неспрост Иван Киуру называл её лирику «рыцарски щедрой, поскольку она не ворчливо умудрённая, детски мудрая и всегда на стороне справедливого». Вот и дом у «девушки из хрещени» в знаменитой её песне небогат своим бытом, иначе бы плещне «висел на гвозде», вколотенном в стену.

127

И след от гвоздя исчез ет в том доме под кистью строго м ляр , не бл годя буржуйскому евро-ремонту или, помилуй бог, «феноменологической редукии», к к померещилось учёной голове Льв Аннинского («У н шей героини любимый редуцируется до пл щ , потом пл щ редуцируется до гвоздя»). Д и с м Новелл Никол евн по своим детским снимк м не случ йно т к похож н девочку с к ртины Конст нтин М ковского «Дети, бегущие от грозы». В стих х он декл рирует это со всей определённою: «...поэзия есть обл сть боли / Не з бог тых и здоровых, / А з беднейших, з боль-ных» («Поэзия»).

В эссе «Почему у н с гениев нет?», н пис нном в н ч ле 90-х годов прошлого век , в с мый р зг р к т строфы очередной, теперь уже либер льной, революции, Новелл М твеев выск зыв ется о роли художник в обществе с тою предельной нр вственной мерой, к кую, пож луй, трудно припомнить со времён «Дневник пис теля» Фёдор Достоевского: «Обосновыв ем, утвержд ем и подтвержд ем пр вду. К ждый свою. Но к ждый – миную вопросы земного бог тств и земной бедности. К к будто это что-то второстепенное. К к будто н путях пр вды быв ет что-нибудь другое, кроме этих двух проблем. К к будто их к к-нибудь эт к обойти можно. Сдел ть вид, что не от них все, букв льно все ост льные вопросы! Проблемы! Беды! При всяком новом успехе этой м льной хитрости уб вляется нечто в жное в к ждом человеке, в к ждой судьбе, в к ждой профессии – везде, где эту хитрость применили. Но с мое необр тимое происходит, конечно, с художником, з крив ющим гл з н с мое вопиющее: н бог тство одних и н бедность других... И вот почему (т л нты у н с есть, но) гения нет и не может быть». И всё ч ще отч яние прорыв ется в творчестве поэтессы, пыт ющейся, к к герой к кого-нибудь нен пис ного ром н «Тихий Дон Кихот», бороться с ветряными мельниц ми: «Н роду – гриб сорв ть нельзя. / Всё можно – для Ылить! / Стр н р згр блен . Не вся. / Но нет у ней з щиты» («На приватизацию русских лесов»).

Чтобы понять истоки «всемирной отзывчивости» т л нт Новеллы М твеевой, нужно для н ч л попыт тся понять причину об яния тех песен, которые невозможно отделить от т йны, т ящейся в её лёгком, почти детским голосе. Пусть это пок жется непр вподобно стр нным, но есть что-то неожиданно роднящее голос русской поэтессы Новеллы М твеевой с голосом русской певицы Евгении Смольяниновой. Он тоже поёт почти к к ребёнок, к к, н верное, пел услыш нн я Блоком девушек в церковном хоре – «о всех кор блях, ушедших в море, о всех, з бывших р дость свою...» (А ведь это не только тем молитвы о «пл в ющих, путешествующих, недугующих, стр ждущих», но и один из повто-

ряющихся сюжетов поэзии М твеевой!) О м нере исполнения Смольяниновой известно, что это русск я школ н родного пения, которому певиц учил сь у ст рых крестьянок. Видимо, есть к кой-то генетический код, который связыв ет, к з лось бы, столь д лёкие друг от друг к мерный стиль уника льного вторского исполнения и изыск нное н -родное пение!

Не случ йно, пож луй, именно это н родное естество интуитивно уловил в песнях поэтессы т -кой интеллекту л, к к Альфред Шнитке, композитор с мировым именем.

С точки зрения профессиона льного музык нт , это и есть то непостижимое, что ник кими г рв рд ми, ник кими консерв ториями не возьмёшь, что д ётся только изнутри культуры твоего н род , из глубины и мелодической протяжённости родного слов , родного пейза ж , родной истории. В этот уровень безоговорочно выходят лучшие песни Новеллы М твеевой: «К кой большой ветер», «Цыг нк -молд в нк », «Горизонт», «Мой к р в н ш г л через пустыню», «Девушк из х рчевни», «Окр ин », «Адри тик », «Ех л солд т лесом», «Следы», «К пит ны без усов», «Лун », «Ах, к к долго, долго эдем», «Пл ток вышив я цветной», «Когд потеряют зн ченые слов и предметы» и десятки других, р злет в шихся по всей стр не сн ч л н м гниофонных бобин х, з тем н гр мпл стинк х, звуч вших с эстр ды и в кинофильм х.

Кст ти, есть прелестный эпизод в воспомин ниях Новеллы М твеевой о том, к к в детском с ду вместе с другими детьми он пел песню о Щорсе:

122

«...н ш хор выстр ив лся н ступенях. И с определённым мгновением где-то н до мной, в верхнем ряду поющих, н чин лось тихое цок нье – подр ж - ние уд ляющейся коннице. Это некоторые, специально отведённые для т кого дел ребят приним - лись ритмично щёлк ть язык ми. Помню своё удовлетворение, что я-то не в цок ющем ряду!..» (**«Из песни слова не выкинешь»**). Трудно себе вообр - зить Новеллу М твееву с её одиноким голосом не для хор поющей коллективно! И к к прекр сно, к к точно явлен здесь черт её х р ктер : не быть «в цок ющем ряду!»

Н пс нн я в последние годы Новеллой М твеевой проз , собственно, и есть исповедь о том, к к человек, прожив долгую и трудную жизнь в р зных эпох , при р зных политических режим х и пр вителях, будучи по большей ч сти стр д тельным субъектом истории XX и теперь уже XXI век , со всеми их войн ми, тр гедиями, идеологиями, р злом ми цивилиз ционных систем, р сп дом империй, духовными и экологическими к т строф ми, смог сохр нить в чистоте бессмертную свою душу, свой не грессивный, но твёрдый голос, своё отделимое, пусть и продув емое всеми ветр ми место н земле не в цок ющем ряду и не в толпе крич щих: «Р спни Его!..»

Воспомин тельно-эссеистический ж нр этой прозы можно определить слов ми с мого втор к к «личный эпос». Сколь бы величественно-эпическим ни было движение Большой Истории, Большого Времени, внутри у к ждого из н с есть своя собственн я история, свой личный эпос, д же своё отношение с обычным временем (к к, н пример, в ск зке Новеллы М твеевой: «У меня не было ч сов ни н руке, ни н б шне!»). Хотя и обр з Большого Времени ещё в н ч ле творчество , к к мне к жется, выр жен у неё невероятной, космической мет форой – «выселение из Вселенной». Т кими м шт б ми в поэзии мог мыслить ещё р зве что Уитмен...

Жизненные обстоятельств , в которые поп д л поэтесс , были нередко т ковы, что, описыв я их, ей приходится порою к к бы з р нее опр вдыв ться перед чит телем: «Ах, боюсь, меня опять посчит ют злою! Что, по мнению некоторых людей, слишком не соответствует моему творчески-безз щитному облику и нежной, к к фи лки, н нере письма ...» (**«Дама-бродяга»**). Но к копис ть фи лковымими кр ск ми «неприветливую, неуютную, осып нную м том и щепк ми детдомовскую территорию», где «н все уютские воротники ст вятся клейм – то есть имен и ф милии обвиняемых в сиротстве, уличённых в безз щитности» (**«Пастушеский дневник»**)?

К к идиллическим языком «Д фнис и Хлои» Лонг перед ть ре льную историю гонений, клевет

ты и преследов ний, которыми мелкие грызуны советской номенкл туры букв льно изжив ли со свету (выселяли из Вселенной) двух безз щитных поэтов, Новеллу М твееву и Ив н Киуру, её муж . «В моём истерз нном вообр жении Ив н Семёнович – к к человек бесстр шный и слишком неосторожный – при всякой его отлучке из дом погиб л тысячу р з!.. Куд бы то ни было я – в мирное для всех время – провож л Ив н Семёнович к к н фронт! К к н войну, видную, к з лось, н м одним, слышную – н м одним, т йно объявленную – для н с одна. Я боял сь, что его... поконч т с собой!» (**«Дама-бродяга»**).

Т к было, свидетельствую об этом, поскольку именно в те годы (н ч ло 1980-х) мы к к р з и познкомились с Новеллой Никол евной и Ив ном Семёновичем и вся эт кримин льно-бсурдистск я история р звор чив л сь н моих гл з х. Мне приходилось быть свидетелем сцен, подобных опис нному в «Д ме-бродяге» сюжета, происходивших н внешне бл гополучных для постороннего взгля д тропинк х Дом творчеств . «Не вздум й с ними связ ться, – потихоньку предупред л я Ив н Семёнович при их приближении. – Им ведь только того и н до!» – «Выпрямись! – отвеч л мне он. – И не вздум й уступ ть им дорогу!» Их же од рив л т - ким взглядом, что (н добно отд ть им должное!), не выдерж в, они отводили взоры...»

Присутствие Ив н Семёнович Киуру н стр - ниц х прозы Новеллы М твеевой столь же зн чительно, сколь зн чительно было присутствие этого во всех отношениях удивительного человек и поэт в её жизни. Вместе они сост вляли н столько г рмоничную, цельную, дополняющую друг друг п ру, что, глядя н них, нельзя было усомниться в истинности утверждения о том, что бр ки совершен ются н небес х. В сущности, это были дв стр нник , дв Божиих человек н земле, рож дённых для поэзии, д леких от «шум повседневности», от мирской суеты, от св ры з место под солнцем. И в этом был вся их др м , ибо, к к поётся у Новеллы М твеевой: «Но колб сник м, т йным и явным, поэты противны». Неудивительно, что в н иболее др м тические моменты её воспомин ний, к к нтичный хор в тр гедиях древнегреческого те тр , возник ют стихи Ив н Киуру, к к, н пример, эти глубоко символические строки: «Нерв звенящей н тянут струною, / И дрож т н нём горькие слёзы... / То не Лорки ли песню они отр зили / И трепещут, сорв ться готовы? / Не сорвутся. Вы соли их не р скусили / И подум ли вовсе не то вы...»

В этой прозе много снов, с мых р зличных: от снов-р сследов ний, снов-шерлокхолмсов (блестящее эссе-сновидение «Опыт грёз» о р зг дке убийств Кристофер М рло), до снов-режиссёров,

123

пост новиков тр гедии о Ясоне («Д м -бродяг », где стр шн я, к к сон, явь перемеш н с не менее уж с ющим сновидением). В сн х вообще не быв - ет прозы, сны с ми по себе всегд поэзия, в р с-ск з нных сн х Новеллы М твеевой это ещё и поэзия, н которой лежит золотой отблеск художественного опыт Гофм н , К фки...

В яркой тр диции политических п мфлетов Дефо, Свифт н пис но эссе «Стр шный кондитер» о тр нсгенных (генетически изменённых) продук-т х. Ст кой бы великолепной речью – к н родным з щитник м в Госдуму. Но т м и Солженицын не услыш ли, осмеяли, посчит в себя семипядистей во лбу. Ир зве услыш ли бы н ши думцы т кой вот гл с вопиющего: «Господь созд в л этот мир к к ге-ни льное стихотворение. Никто не впр ве ред кти-ров ть Господ ! А тут явились целые бизнес-кл ны ред кторов хлеб н шего н сущного...» («**Страш-ный кондитер**»).

В большой р боте «Сюжеты н м нжет х» н к ждой стр нице рассыпь открытий, отточенных мыслей: «Есть люди, которым уж сно нр вится дум-ть, что у н с в России чего-то нет! Ну хоть чего-нибудь пусть в России не будет – и то уже им приятно... К н льство, к к легко их сдел ть сч стливы-ми!..» Или: «Можно счит ть порчу концом всего. Одр ко н ч лом всего порчу счит ть я отк зыв -юсь»; «Мелодия – это СЮЖЕТ МУЗЫКИ, сюжет – это МЕЛОДИЯ ПРОЗЫ». И сколько ещё подобных др гоценных н блюдений у Новеллы М твеевой повсюду: «Был бы грех – опр вд ние сыщется»; «Упо-ение – вр г н лиз »; «Бл городство, д же испор-ченное легкомыслием, д же не во всех точностях в себе уточнённое, но ИСКРЕННЕЕ И ПЫЛКОЕ, тоже может одержив ть блестящие победы н д време-нем» («**Именем короля!..**»); «А неплохое было бы н зв ние для журн л – «Весёлый экономист?»» («**Страшный кондитер**»). О «Бегущей по волн м» А. Грин : «Слов нет: «Алые п рус » Грин совершенны, но, по мне, «Бегущ я...» лучше. Здесь больше приключений, простр нств , т йны. Больше до-г док о душе человек ... Быть может, я ск жу нео-жид нность, но «Бегущ я по волн м» – это СВОЕГО РОДА... гриновское «Преступление и н к з ние!»» («**Не скучно ли на тёмной дороге?**»). Собр ть бы эти изречения Новеллы М твеевой вместе с бес-численными поэтическими м ксим ми из её сти-хотворений – к кой дивный сборник форизмов мог бы сложиться, не хуже зн менитого «К рм нного ор кул » Б льт с р Гр си н -и-Мор лес !

Чит я кл ссическое эссе М твеевой «Н д ому-том лозы...», убед ешься, что все р зговоры о конце русской литер туры не более чем чья-то зло-умышленн я выдумк . К к и воспомин ния «Мяч, ост вшийся в небе», это повествов ние, посвящён-ное «утреннему свету детств », н полноено той кр -

сотои и т инственностью, той чистой доверчиво-стью и мудростью неведения, той открытостью не-зн кому му миру и впервые возник ющими в юной душе вечными вопрос ми бытия, которые помнятся н м к к нез быв ем я р дость от чтения лучших стр ниц о детстве Сергея Акс ков , Льв Толстого, Алексея Толстого...

Что же видно с высоты детств , к к я пр вд про н с и н шу жизнь открыв ется оттуд ? Что здесь существует мир ре льный, без неб , где кру-гом униженностью бедности, лчность бог тых, злоб-ность преследов телей? Но ведь н д всем этим всегд , во веки веков, был и будет прекр сный, не-обыкновенный, нез быв емый «Мяч, ост вшийся в небе!» Послуш йте – в небе! А не пров лившийся же в бездну, в т рт р ры или преисподнюю – к к ми бы т м жестокими и тр гическими ни были трид-ц тые, сороковые прошлого век ! Ведь это т м свершилось чудо рождения поэт Новеллы М твеевой! Это т м, по её свидетельству, был у неё «пер-вый перехв т горл перед явлением н стоящей по-эзии». И виной тому были «не только с ми... стихи, но и то, к к чит л их моя м ть». Это т м, к к тепер ск з ли бы, в «тот лит рной», не иде льной, грубой эпохе, слух будущей поэтессы «был н всегд испорчен музыкой Иде л и ничего иного больше не приним л». И к к же не подум ть после этого: не есть ли вся н ш последующ я взросл я история всего лишь обр тный путь в поиск х утр ченного мяч , ост вшегося в небе?

127

Новелла Матвеева с мужем Иваном Киуру

Р. С. Будь жив Александр Пушкин, он непременно внёс бы в свой «Table-talk» историю о том, как в торгашинной новогодней песни про «Золушку» («Я рздую пушинку огня, / Плямя бушует, и в-ряются щипы, / Если зпечкой не сыщешь меня, / То уж нигде не ищи...») попал один ждыняву, ну не в

царский дворец, в Кремль, на вручение Государственной премии. И как, проходя по коридору, чтобы получить из рук президента премию, потерял туфельку (с ноги у неё буквально едва не слетел босоножек!). Но то был бы не более чем повторившийся случай, если бы... Если бы Новелла Матвеева не написала когда-то ещё одну пророческую песню, в которой предсказала новый поворот темы своей Золушки, весьма подходящий к её кремлёвскому происшествию: «Но портить подошвы ходьбой / Нет к по душе мне, / Я лучше приду к вам босой – / Так будет дешевле!» («**Платок вышивая цветной**»).

Но ещё поразительнее, что многие удивились этому государственному признанию её творчества – одни из зависти (почему он, не мы?!), другие из рожения (уж слишком любит Россию, того и гляди станет российским Киплингом, певцом империи!). А Новелла Матвеева вопреки всему продолжает своё великое духовное строительство в мире, где почти уже не осталось мест для поэзии.

Вы видели когда-нибудь, как ходят по земле «певцы империи»? У Новеллы Матвеевой это очень хорошо описано: «Свернуть бы? Да было некуда. Промедлить? Не имело смысла. У меня уже выработался походка бродяг – людей, которым спешить некуда, но и остановиться нельзя...»

г. Москва

